

ВСЯ ЖИЗНЬ (Наивная история)

*= Александру Диордиеву
и моему брату*

Никогда я не буду
Горевать о погибшей стране:
Ничего не погибло,
Пока остается во мне.
Я – не чувствуя края –
В ней жил, словно в детском раю,
Эта память – во мне:
Ни забыть, ни предать – не смогу...

1.

Мой учитель – чеченец,
А отчим отцовский – хохол,
Я с казахами жил,
И все детство считал молоком
Сладко-кислый напиток –
Подарок ржанных кобылиц...
Милосердия! – Нет!
И в нас снова вливался кумыс.

Мы тонули в пыли, разводили
Костры, уходили войной
На соседнюю улицу –
Русско-казахской толпой,
А вернувшись героями,
Просто валялись в тени,
Утомленные роем сестриц,
Что плели нам венки.

С ними было легко,
И хаты их были белы.
Да, мы были малы,
И миры наши – тоже малы,
И в них было неважно –
Какие у друга глаза,
И что кожа смуглее,
Чем хата его или кожа моя.

2.

Дед, который не то чтобы дед,
Меня на руки брал.
Как Тарас из степей,
Свою люльку всегда доставал,
И курил самосад –
Ароматный, сладчайший табак.
Он растил его сам, и сушил,
И пальцами мял.

Их осталось лишь два,
Остальные в каком-то бою
Он оставил, но жизнь –
Жизнь осталась ему...

Я сидел на коленях,
И тоже как будто курил,
Дед как будто со взрослым,
Но с прищуром со мной говорил.
Он рассказывал сказки
Про ракеты и апартеид,
Спорил с Маргарет Тэтчер,
Обещал: кто придет – будет бит.

Мы играли в хоккей
(Я играл, дед же просто болел),
И всегда говорил: не спеши,
И Харламов не сразу умел.
Все придет, ты мотай
На усы – за уроком урок.
...Я усов не ношу, ну а дед...
Его засветло кончился срок.

3.

Дальше – помню про Крым,
Я его никому не отдам!
Потому что носился босой
По его шелковичным садам.
Потому что садовник-еврей
Абрикосы – «за маму» – дарил,
Улыбаясь счастливо –
Оттого лишь, что жил...

Не остался – таким же, как я –
В черном Бабьем Яру,
Он рассказывал всё,
Но тогда я не верил ему.
Хотя «Это было под Ровно»
Я уже прочитал,
И мальчишек оттуда –
В том же самом саду – повстречал.

Это было на море – Черном,
Как смешно его кто-то прозвал:
Оно было как небо,
А других я тогда не видал.
Мы скакали в волнах,
И на гальку роняли миндаль,
И не знали страшнее беды,
Чем потеря сандалий.

Я болел за «Нефтчи»,
Потому, что мой друг – из Баку.
А эстонец упрямо, сквозь всё,
Но учил своему языку.
И я помню! В Эстонии Таллина нет,
Существует лишь Tallinn,
И я помню – улыбку в ответ.

...Это все – Самарканд!
Здесь – могила царя из царей –
Тамерлана! Не слышал?
И делался грустным Андрей.
Русский мальчик, как я, но
Не по крови, по счастью – узбек,
Гур-Эмир – это все, чем он горд
Был тогда, в свой коротенький век.

Мы покинули море,
Нас звали родные дома.
Но из вашего в наш
Полетели – халва, пастила,
И солёный калёный орех,
А в ответ из Тайги –
Шишки в кедровых лапах
И каплях душистой смолы...

4.
Мой учитель... Которого строже
Не знал белый свет...
Повторим: мое имя Джеймарс
Ха-мат-ха-но-вич... Нет!
Чего проще, но кто-то –
Хотя бы один – да не так говорил.
Но Джеймарс не бранил,
Называйте учитель – просил.

Незаметно и просто
Он выучил – просто любить,
Когда все против всех –
Убеждать и терпеть, но не бить.
Когда кровь горяча, то особенно
Холоден должен быть мозг.
И еще – тяжело одному, но вдвоем
Вам теплей будет даже от гроз.

5.
Я играю в футбол –
Потому что мой друг одессит.
Презирает всех тех,
Кто в слове Одэсса басит.

Да не сс-ы ты! О-де-са – и точка!
Одной – за глаза!
Буква е – словно скальпель,
Как пас – подрезает и ша!

Никаких компромиссов!
Я тебе не Довлатов – сказал!
Кстати, имя этого нового бога
Я тоже от Сашки узнал.
Капитан и старлей,
Одесит и бурой сибиряк,
В передышке меж войн
Мы срослись – как кисет и табак.

От него я услышал: Аргун
И еще – Ханкала.
Осознал – кто такой настоящий герой,
И что значит – дожить до утра.
Он был львовский гусар, он играл
В «Черноморце» и метил в «Зенит»,
А когда повстречались – лишь пил
За себя и за тех, кто не был / и все же убит.

Ни в кого не стрелял –
Потому что военный спецкор,
Но когда БТР уносил
По зеленке меж гор, –
Потому что в ответе
За себя и солдат на броне, –
Передернешь затвор,
А иначе – никак на войне...

«Золотое перо»,
Ему для часов наградных
Не хватало руки,
Но наград боевых –
Не имел, не просил
И носить бы не стал –
Потому, – говорил, –
Я писал, но не воевал.

Он шутил про Одесу,
Точнее – всерьез говорил,
Укорял Украину, где брат
Под трезубцем служил,
Предрекал: это всё,
Мы встретимся с ним на войне.
Это было нелепо,
И в это – не верилось мне...

Я любил эту боль

Неизбывную – в круглых глазах,
И боялся: помочь
Было нечем, и он это знал.
Как предвестник – двадцать вторая
Ушла в Дагестан и ООН...
Полыхнет, вот увидишь...
Полыхнуло. Одеса горела потом.

Мы сидели – на пороге
Редакции – как на пороге всех бед,
Боль сушила коньяк:
Рас-ста-ва-ни-я – нет, Военвед!
...Расставание – есть, он –
Полковник, а я – отставной...
Лето, снова война, год
Две тысячи – ноль – ноль – восьмой...

6.

...И никто не герой,
Но тех дней урожай
Я – со всею страной –
Столько лет собирал.
Кто тогда не убит,
Все одно погибал, приходя,
Потому что солдат – как при Жукове
Всё – обували всегда в прохоря.

Кто-то – тихо – в петлю,
Кто-то – пулю в кадык,
Кто-то – зло – на ножи,
Кто-то газом прошит
Из трубы выхлопной,
И колючкой опутан, как столб –
Потому что закон – человеческий
И божий – словно в топку сметен.

Паровозные топки... Котлы...
Сколько вас в них сгорело –
Еще полуживых и
Что были (за счастье) мертвы.
Полыхала Тайга
Крематорием. Мертвой рекой
Кровь шипела – как известь
В церквях под татарской ордой.

Все ушло в белый дым –
Сотни жизней друзей и врагов,
А из списка причин
Мне теперь ни один не знаком!
Но – стреляет в виски – как
Нагайкой стрелял пистолет,

И не знал никогда – кто стоит
За тобою: бандит или мент.

Умирала страна – так казалось, –
Вырывая своих мужиков,
Тем платила сполна
За свободу, за жизнь без оков.
И – все счастья хлебнули! –
Аж до самых кишок...
Захлебнулись и... выжили –
Вот главный шок.

7.

А иначе – никак.
Да – поленьями жгли,
Да – орала орда:
Наше время! Умри!..
Что ты щеришь оскал?
Почему – я вопрос приберег –
Тех, кто жёг – Бог простил,
А его – не сберег...

...Да – не так далеко – хоть веками
Измерь, хоть полетом стрелы,
Друг-татарин, почти Чингизида
Наследник – чистойшей крови –
Из Сибири меня провожал
На Кавказ, словно снова – на фронт,
Как наследство свое в мои руки вложил
Талисман – томик Бродского он.

На потертом лице столько
Жизни потерятой – во швах:
И в бумажных морщинах, и –
Кожи морщинах... В глазах –
Боль и правда. За крыльями плеч –
Приговор эшафотом висит:
Безразлично – кто он, безразлично,
Чем вас одарил, это попросту – жид.

Да, еврейская кровь!
Да, картавостью голос дрожит,
Это всё – просто боль,
Зато его русский звенит
От Невы до Нью-Йорка
И обратной волной – в Ленинград –
Словно колокол... а они
На одном языке говорят.

Потому что отлиты из русско-
татаро-еврейских-и-прочих кровей!

Как же их разделить?! Да никак.
Не придумано сплава прочней.
Петербург, СССР, Волгоград-
Сталинград и Урал...
У страны, городов и у рек имена
Отобрал – снова дал,

Можно даже историю пере-
Лицевать.
Но людей – настоящих – не пере-
Именовать.

Даже если рискнешь –
Их нельзя не узнать.

8.

...Я давно никого не ищу,
Потому что боюсь потерять,
Сердце губкой впитало беду –
Так устало оно провожать.
Я не знаю, и знать не спешу –
Где там мой одесит,
Потому что боюсь:
Вдруг он тоже убит.

Я не верю. Но ждать не могу
Распрекрасных вестей:
Одиночество меньше болит,
Хотя делает душу черствей.
Она тлеет – до пепла, но помнит:
Одесу сожгли, но дотла
Никогда ей не выгореть –
Потому что душою светла.

Ханкала отпустила,
Абхазия тоже не сдаст,
А предать... одесита
Никто никогда не предаст.
Он как Феникс родился
Однажды уже – у меня на руках,
Он сумеет опять, расставания –
Нет!.. Даже на облаках...

9.

Никого не ищу. Помню всех –
Как пустой котелок
Помнит кашу, которой дышал –
Он один. И весь выбитый полк.
Я надеюсь – а Надежду ничто
Не умеет украсть –
Все закончилось. В муках

Другая страна родилась.

В ней живет сибиряк, одесит
И чеченец Кахор –
Институтский приятель, который
(Пусть даже и ждал между гор),
Никого не убил. Потому что
Он просто не мог, хоть зарок
В этом мне не давал.
Но я верю: он – не стрелял.

И не слег в Гудермесе,
Самашках или – как волк одинок –
На чужбине далекой,
Где пылью секущий песок
Его раны лечил... Но не смог,
Закрывая последний закат...
Но на это на все – иншалла,
Как у них говорят.

Я надеюсь – в Донбассе
Ни с этой, ни с той стороны
Нет Припуты из Ровно,
Для этой нелепой войны
Василенко, и Дедов, и он –
Не рожали солдат.
Если все же в земле, то –
Не в кровью пролитой – лежат.

10.

По могилам – своим и чужим,
Тревожа укрытый в них прах, –
Пулеметом, штыком, сапогом – не пойдет
Никакой – даже лютый твой – враг.
На такое способен послать
Лишь убого смешной властелин,
За него не спеши умирать...
Пусть воюет – один!

Ком земли, словно в горле
Запечатанный болью твоей, –
Нет нигде: ни в лесах, ни в полях,
Ни в озерах, ни в реках – разлей! –
Не получится – карта одна,
И ее не порвать:
Это наша земля, и нигде
Здесь границ не видеть.

Если так, то... за что убивать?

От монгольской границы

До Хатанги, где – языком океан
Ледовитый – оставил причал,
И из Бреста на Магадан –
Я везде проходил, и страну
Той тропой словно пере-крестил:
Эти земли – твои и мои! Мы на них
Без поддержки стоим. И не надо перил.

Делят те, кто не в силах дарить,
Только жадность свою теребя...

*Но! Не они в нас стреляют,
Мы сами стреляем в себя.*

И – не золотом, кровью! –
Обеспечены нынче рубли,
Йены, доллары, фунты,
Риалы... Как нефть в корабли

Наливается кровь.
Ей питаемся мы.
И они.

Как будто бы нам
Не хватает воды...

Но – воды прозрачны.
А в крови не видны
Руины и кости
Страны.

11.

Если кто-то забыл,
Если кто-то совсем не видал –
Кадыкчан все стоит
Монументом тех гордых начал.
И концов, о которых
Почему-то никто не кричал.
Потому что, быть может, не знал
Или знал. Но молчал.

Не узнать. Но – закатом пробит,
Весь – до стенки последней –
Оставлен, забыт... Он – стоит.
И ветер летит, как молебен,
Проверяя в глазницах пустых –
Никто не забыт? И щебень
Ероша, как волосы детям
Под кепками крыш, словно гребень...

Из белых овчин одеяло

Ему сшито колымской пургой.
И солнце – меняя закат
На рассвет – обещало
Надолго не заходить,
Чтобы больше ничто не пугало
Кос-ми-чес-ко-ю чернотой,
Какой тогда закричала

Шахта. Как смерть... Жизнь
Взрывая и вырывая –
Всю, что с избытком
Прежде давала
Всем здесь.
Всем сесть.
Кончено.
Есть
Будет нечего
Жить
Будет незачем
Всё – и даже заря –
Было
Зря.
Занавес.
Не судьба.

Вот что случилось здесь. И везде.
Просто – не так заметно
Просто – на мерзлоте
Вечной, каким казалось –
Всё, это всё – ни построить,
Ни – толком – похоронить,
Потому – здесь всё осталось –
Быть – памятником себе.

И мне. И тебе. И стране...

12.

Как забыть? Невозможно...
Вся память – кресты, кресты,
Могил вокруг слишком много, на них
Скоро не хватит земли –
Всей – нашей с тобою – Земли.
И – гребни, не гребни, –
Мы – почти на мели.
А вместо причалов – кресты,

Кресты, кресты, кресты,
Кресты... Будто черные швы
На ранах. Аккуратненькие стежки, но
Все раненые – мертвы.
И... не с кем поговорить...

Так что – молчи. Молчи.
Как же мы так смогли...

Так нельзя.
Можно только...
Прости...

Можно только – простить.
Знаю, что... невозможно,
Знаю, что не сносить
За это мне головы – от тебя / себя...
Что же, тогда прости –
Просто – начни с меня...
Знаю – не держишь зла,
Ты – не такой как я...

Ты не такой, не такой...

Знаю, я знаю тебя...
Ты – не такой как я,
Я сам – не такой, как я
Был когда-то... Семья
Лишь делает жизнью – жизнь,
Даже страну – страной,
Без битв и без укоризн, –
Одной, счастливой, живой –

Она как строчкой прошита
Пулями, и в каждой – любовь,
Любовь... Вся сразу,
Красна как кровь,
И проклята, как сама эта рифма –
Кровь – любовь, кровь
За любовь, Любовь-за-Кровь! –
Шепчи. И глаза закрой

Шепчи – все равно какой
Ты: убитый / только больной /
Забывший / пригретый /
Брошенный / рожденный
Только что, заново или
Белый как мел – седой...

Жить еще очень долго,
Долго, мой дорогой.

Нам надо всё пережить.
Всем
Всё
Пережить.

И нет прощения, если
Всех за все не простить.
Всех за всё.
Вот и всё.
Всех
За всё.

И за это. Да.
Иначе – опять беда.
По кругу.
Как – без следа...

13.

Но простить – не забыть.
Помнить всё и всегда.
Всех.
С любой стороны.
С любовью.
Такая страна.

...Пуще, чем Беловежская пуца
Ломает Хатынь, Урал,
Якутск, Сахалин, Амур –
Где, сколько бы ни кричал, –
Голос не долетит,
Пулей не до-свистит,
Выдохнется, умрет,
Затужит и захлебнет-

Ся, просто упав, не до-
Кричав, не призвав,
Не доложив, не успокоив...
Того, кому ты кричал –
Оставит в неведеньи...
И, одичав, глухо забродит
Шатун-медведем...

В этом всё: мир – велик.
Каждый в нем – материк,
Не поплавок, как раньше...
Что их соединит?
Какая большая душа?
Или бог-любовь?
Или – разлитая во все
Реки, моря – общая кровь?

Её уже – не разделить.

*И в этой всеобщей крови
Кодом, шифром, законом,
Аксиомой всемирной любви –*

*Влить, вписать, вы-гра-ви-ро-вать:
Жить! Нельзя убивать!*

P.S.

...Помнишь? Ту горстку пепла
Держала твоя рука...

Немного от нас остается
Грядущим материкам.
Из нас не построить башен,
Ракетой не полетим,
Мы просто пустынным пляжам
По атому раздадим...

Поэтому. Все очень просто:
Отмерена жизнь – возьми!
Не ради ракет и башен,
А из-за любви
Живи.

5-9 / 22-23 февраля 2021